

Лукашенко «дрейфует на Запад» ПОЧЕМУ МОСКВЕ НЕ О ЧЕМ ВОЛНОВАТЬСЯ

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 440
Сентябрь 2016 г.

Аркадий Мошес¹
Финский Институт международных отношений

В феврале 2016 г. Совет Европейского Союза снял санкции с Беларуси. Они были введены в 2010 г. в ответ на жесткое подавление режимом действий оппозиции, последовавших за президентскими выборами. Поскольку с тех пор в стране не было заметной внутривнутриполитической либерализации, за решением должны были скрываться геополитические мотивы. Вероятнее всего, ЕС попытался вознаградить Минск за проявленную неготовность полностью последовать за Москвой в конфликте вокруг Украины и в более общем плане увидел возможность ослабления белорусско-российского альянса.

Снятие санкций является одновременно и результатом, и символом предпринимаемых попыток нормализовать отношения между Беларусью и ЕС². Поступательное движение проявилось в запуске в апреле нового формата структурированного двустороннего диалога, так называемой координирующей группы Беларусь-ЕС. Также Минск официально выразил интерес к заключению Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, каковое ЕС, как правило, имеет только с приоритетными партнерами. В мае белорусский президент Александр Лукашенко, которому до недавнего времени был запрещен въезд в ЕС, осуществил официальный визит в Италию. В Индексе белорусской внешней политики, выпускаемом раз в два месяца Белорусским Институтом стратегических исследований, ЕС в настоящий момент постоянно получает более высокие баллы по сравнению с Россией в том, что касается общего уровня «дружественности»: в январе-феврале рейтинг ЕС составил +31 против российских +24, + 28 против +26 в марте-апреле, и + 34 против +21 в мае-июне, что составляет весьма значительный отрыв.

¹ [Аркадий Мошес](#) – директор исследовательской программы по Восточному Соседству ЕС и по России Финского Института международных отношений

² Вашингтон не последовал примеру ЕС и не отменил свои санкции, однако это может произойти после недавних парламентских выборов в Беларуси. (См.: Arkady Moshes. [«Parliamentary Elections in Belarus: A Couple Holes Patched, but Bucket Still Leaking»](#). PONARS Eurasia, September 12, 2016).

Все это породило определенное беспокойство в некоторых сегментах российского аналитического сообщества и СМИ. Так, российское информационное агентство «Регнум» выпустило серию крайне критических публикаций по поводу текущей политики Беларуси. Другие источники высказали подозрительность и недовольство в отношении «лукашенковского дрейфа на Запад».

Однако более пристальный взгляд на происходящее не дает особых оснований полагать, что Беларусь осуществляет значимую геополитическую переориентацию. Споры нет, позиции Минска по вопросам Европейской безопасности, конфликта вокруг Украины и включения Крыма в состав России не идентичны кремлевским. Но при этом Россия и Беларусь стоят гораздо ближе друг к другу, чем они когда-либо могли бы стать к позициям Запада. Два режима объединяет неприятие либеральной демократии, опасения внутренней дестабилизации и цветных революций. Они тесно связаны механизмами обеспечения безопасности и обороны. Все это по меньшей мере уравнивает, если не перевешивает, озабоченность Минска в отношении потенциального нажима Москвы. В то же время Минск явно разочарован отсутствием ощутимых экономических результатов нормализации отношений с Западом. В своем апрельском 2016 г. обращении к народу и парламенту Лукашенко охарактеризовал сегодняшнее состояние этих отношений как «говорильню».

В реальности традиционная структурная зависимость Беларуси от России только увеличивается, а свобода маневра Минска, наоборот, продолжает сокращаться. В пост-крымском контексте формальный суверенитет Беларуси и ее территориальная целостность уже не могут считаться неприкасаемыми, а гарантии бессрочного сохранения персоналистского режима Лукашенко отсутствуют. Флирт с Западом, к которому периодически прибегает Минск, лишь размывает доверие в отношениях с Россией и приводит к применению Кремлем новых методов давления, но не может привести Беларусь в состояние действительно устойчивого внешнеполитического баланса.

Оборонный союз Беларуси и России – «единое целое»

Наиболее убедительный аргумент в дискуссии о том, приносит ли военно-политическое дистанцирование Беларуси от России какие-либо результаты и возможно ли оно вообще, можно найти в профессиональном анализе ситуации в области безопасности на восточном фланге НАТО.

В докладе, одним из авторов которого является бывший Главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО генерал Уэсли Кларк, [содержится вывод](#), что «в случае конфликта, сухопутные войска России, действующие из Калининградского эксклава и из Беларуси, могут попытаться перекрыть так называемый «Сувалкинский разрыв» (65-километровый коридор между Литвой и Польшей). Если бы не существовало представления о гарантированном доступе России к белорусской территории и воздушному пространству, прийти к такому выводу было бы невозможно. Более того, во время июльского саммита НАТО в Варшаве министр иностранных дел Литвы Линас

Линкявичюс [подтвердил](#), что в силу тесной интеграции белорусских и российских вооруженных сил НАТО рассматривает две страны как части «единого целого».

Новая военная доктрина Беларуси, которая вступила в силу в июле 2016 г., предоставляет дополнительные свидетельства этой взаимосвязи. Статья 20.1 документа обозначает в качестве приоритетов «коалиционной военной политики» страны укрепление отношений с Россией в вопросах поддержания необходимого военного потенциала, принятия совместных мер по предотвращению военных угроз двустороннему Союзному Государству (уникальный формат российско-белорусской интеграции) и отражению агрессии на общем оборонном пространстве, а также обеспечения функционирования региональной группировки войск Республики Беларусь и Российской Федерации.

У стран общее восприятие угроз. Хотя Минск неоднократно заявлял, что не видит непосредственной угрозы в решениях НАТО разместить новые контингенты в Польше и странах Балтии, он не приветствует эти решения и воспринимает их как вызов в военной сфере. Та же военная доктрина (статья 11.3) трактует «расширение (создание) в Европейском регионе военно-политических союзов, в которые не входит Республика Беларусь, либо присвоение ими глобальных функций» как источник военных рисков и опасностей, что довольно близко к аналогичным российским формулировкам.

Соответствующим образом развивается и интенсифицируется и практическое сотрудничество между Россией и Беларусью. В дополнение к регулярным широкомасштабным двусторонним маневрам, как «Щит Союза», и многосторонним учениям ОДКБ «Нерушимое братство», в 2016 г. состоится 38 совместных учений и тренировок российских воздушно-десантных войск и белорусских сил специальных операций (по сравнению с 26 в 2015 г.). Российские ВВС регулярно практикуются на белорусских аэродромах. В июне министр обороны Беларуси Андрей Равков заявил, что его страна рассматривает возможность новых многочисленных закупок вооружений в России, включая батарею ракет ПВО Тор-М2.

Единственным заметным расхождением по вопросам безопасности между двумя союзниками стал вопрос о размещении в Беларуси новой базы российских ВВС. В сентябре 2015 г. российский президент Владимир Путин публично поручил правительству подписать соответствующее соглашение. Однако Лукашенко отверг предложение, и с тех пор Минск не поменял позиции. С политической точки зрения, это, безусловно, поставило Москву в затруднительное положение, однако в военном плане реальный выигрыш может попросту не стоить торга. Военные эксперты пришли к консенсусу, что формальное отсутствие базы не является препятствием для быстрой переброски российских самолетов в Беларусь в случае необходимости. В то же время, часто обсуждается возможность размещения в Беларуси российских ракет Искандер.

При этом вне связи с состоянием дел в отношениях между двумя союзниками общее наращивание военного потенциала России на западном направлении уменьшает ее зависимость от Беларуси. Риторика Лукашенко о том, что «на Западе у России ничего нет, кроме белорусской армии», больше не соответствует реальности. Более того, некоторые события - например, передислокация 28-й мотострелковой бригады с Урала в Брянскую

область России в мае 2016 г. – могут рассматриваться как влияющие на безопасность не только Украины, но и Беларуси, и быть потенциальным рычагом давления и на последнюю.

Рост экономической зависимости

Ни ЕС, ни западные финансовые институты не демонстрируют какого-либо аппетита к тому, что предоставить Беларуси массированную экономическую помощь. По результатам работы миссий МВФ в ноябре 2015 г и июне 2016 г. не было заключено никаких соглашений, видимо, из-за нежелания белорусского правительства согласиться на проведение необходимых рыночных реформ. А без соглашения с МВФ любые другие источники западного финансирования обречены оставаться ограниченными.

По этой причине получение российских финансовых субсидий является для Минска необходимостью. В 2015 г., [по подсчетам](#) белорусского эксперта Ирины Крылович, Беларусь заняла у российских государства и банков 1,6 миллиарда долларов США. В марте 2016 г. Евразийский Банк Развития, один из институтов находящегося под доминирующим влиянием Москвы Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС), согласился предоставить Беларуси в течение 2016-18 гг. заем в размере 2 миллиардов долларов (500 миллионов были переведены в марте и еще 300 миллионов в июле). Однако, учитывая ухудшающееся макроэкономическое положение Беларуси, этих денег может не хватить даже для рефинансирования ранее взятых долгов, тем более, что получение всей суммы не гарантировано, поскольку Москва может попытаться дополнительно обусловить будущие выплаты.

Дешевые энергоносители являются еще одной составляющей белорусского «экономического чуда». Но во время низких глобальных цен на энергоносители извлечение энергетической ренты затруднено. Весной 2016 г. Беларусь начала газовый спор с Россией. Она отказалась платить цену в 132 доллара за тысячу кубометров, установленную в соответствии с межправительственным соглашением 2011 г. Вместо этого Беларусь начала платить 73 доллара. К июлю белорусский долг достиг 270 миллионов долларов, а переговоры не принесли никаких результатов. Россия пошла на ответный шаг и сократила на 37 процентов поставки нефти в Беларусь. Поскольку нефтепродукты представляют собой одну из главных статей экспорта Беларуси, эта мера должна была стать крайне болезненной, лишая Беларусь 200 миллионов долларов доходов в квартал. К началу сентября 2016 г. спор все еще не был разрешен, хотя эксперты предсказывали договоренности о погашении долга в обмен на ценовые скидки в будущем.

Тем временем Россия продолжила защищаться от нелегального импорта продуктов питания, который, по ее мнению, осуществляется через Беларусь. В июне 2016 г. Москва запретила продовольственный импорт из ряда африканских стран под предлогом того, что белорусские сертификаты происхождения товаров могут быть фальшивыми. Сохраняется и протекционизм в отношении собственно белорусского экспорта в Россию. В июле Россия признала «опасным» сухое молоко 15 белорусских предприятий, начав таким образом

новую «молочную войну». Это показывает, что механизмы ЕАЭС, точно так же, как и двустороннего Союзного Государства, не слишком действенны в отношении российских протекционистских мер.

В целом, хорошо известные структурные слабости Беларуси в экономических отношениях с Россией только усугубляются. Полного прекращения прямых и непрямых субсидий, естественно, ожидать не приходится, однако сохранение прежнего уровня помощи России также вряд ли по карману, принимая во внимание ее собственную кризисную ситуацию. В этих условиях вероятен новый раунд борьбы за контроль над белорусскими государственными предприятиями в нефтехимической отрасли, машиностроении и банковском секторе. Россия может попытаться добиться своего в обмен на займы или другую помощь Белоруссии. При этом Москва может также поддержать договоренность Беларуси с МВФ, и не только потому, что таковая освободила бы Россию от насущной необходимости финансировать Минск, но и потому, что общая экономическая либерализация в Беларуси может быть выгодной российским экономическим агентам.

Асимметрия «мягкой силы»

В последнее время произошло заметное изменение в пиар-подходе Минска к Москве. Ранее во время двусторонних споров Лукашенко никогда не стеснялся обвинять Москву в «недружественном» поведении³. Однако в ходе нынешнего, упомянутого выше газового конфликта Лукашенко неожиданно предпочел сохранить молчание. Минские чиновники ограничились высказыванием традиционной, но довольно мягкой критики в адрес ЕАЭС и Союзного Государства. Белорусский аналитик Юрий Дракохруст [предположил](#), что в пост-крымской ситуации, когда внутренний рейтинг Путина взмыл вверх, а российское общество стало отворачиваться от постсоветской ностальгии, Лукашенко уже не может также легко добиваться симпатий со стороны российского общественного мнения, как в прошлом.

Беларусь находится под мощным информационным воздействием России. Заместитель главы президентской администрации Беларуси Игорь Бузовский заявил, что до 65 процентов контента в белорусских СМИ приходит из России, и что с точки зрения национальной культуры и информационной безопасности это должно вызывать озабоченность. В мае на заседании Парламентской Ассамблеи Союзного Государства Беларуси и России был принят план создания единого информационного пространства, который в случае реализации еще более усилит российское информационное доминирование.

Информационное влияние встраивается в естественную близость и взаимно дружественные отношения белорусов и россиян. Оно воздействует на геополитические предпочтения белорусов, хотя они и остаются нестабильными. По данным июньского 2016 г. опроса находящегося в Вильнюсе Независимого Института Социально-Экономических и

³ См. Аркадий Мошес. «Российско-белорусские отношения после Вильнюса: Старое вино в новые меха?» [Аналитическая записка ПОНАРС No. 304, декабрь 2013.](#)

Политических Исследований, в случае гипотетического выбора между присоединением к России или вступлением в ЕС 42 процентов белорусов выбрали бы Россию и 34 – ЕС; в марте соотношение было 48 к 31 проценту. По состоянию на июнь 2016 г., в случае военного конфликта между Россией и Западом 43 процента белорусов поддержали бы Россию и только 13 – Запад (хотя, следует отметить, 44 процента не поддержали бы ни одну из сторон).

Заключение

Лукашенковский «дрейф на Запад», останется ли он на уровне бюрократической дипломатии или пойдет несколько дальше, имеет свои пределы. С одной стороны, границы возможного в соседнем с Россией регионе в ходе конфликта вокруг Украины были проведены заново; всем теперь приходится брать в расчет потенциальное появление «вежливых зеленых людей». С другой стороны, ЕС по ряду причин драматическим образом снизил уровень своих региональных амбиций. Принимая во внимание интеграцию Беларуси в ведомые Россией структуры, ее экономическую зависимость от России, и их совместное неприятие либеральной политической модели, сближение между Беларусью и ЕС может иметь только маргинальный эффект. Стоит ли это отказа от ценностного подхода к Беларуси со стороны ЕС - вопрос, на который в какой-то момент Брюсселю придется дать ответ.

**Elliott School of
International Affairs**

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2016. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org